

От редактора

В 1956 г. в послесловии к «Лолите» Набоков вспоминал:

Первая маленькая пульсация «Лолиты» пробежала во мне в конце 1939-го или в начале 1940-го года, в Париже, на рю Буало, в то время, как меня пригвоздил к постели серьезный приступ межреберной невралгии. Насколько помню, начальный озноб вдохновения был каким-то образом связан с газетной статьей об обезьяне в парижском зоопарке, которая, после многих недель улещиванья со стороны какого-то ученого, набросала углем первый рисунок, когда-либо исполненный животным: набросок изображал решетку клетки, в которой бедный зверь был заключен. Толчок не связан был тематически с последующим ходом мыслей, результатом которого, однако, явился прототип настоящей книги: рассказ, озаглавленный «Волшебник», в тридцать, что ли, страниц. Я написал его по-русски, т. е. на том языке, на котором я писал романы с 1924-го года (все они запрещены по политическим причинам в России). Героя звали Артур, он был среднеевропеец, безымянная нимфет-

ка была француженка, и дело происходило в Париже и Провансе. Он у меня женился на больной матери девочки, скоро овдовел и после неудачной попытки приласкаться к сиротке в отельном номере бросился под колеса грузовика. В одну из тех военного времени ночей, когда парижане затемняли свет ламп синей бумагой, я прочел мой рассказ маленькой группе друзей. Моими слушателями были М. А. Алданов, И. И. Фондаминский, В. М. Зензинов и женщина-врач Коган-Бернштейн; но вещицей я был недоволен и уничтожил ее после переезда в Америку, в 1940-ом году*.

Это воспоминание оказалось неверным в нескольких важных отношениях. Прежде всего, неудовлетворенность новым сочинением не помешала Набокову еще до отъезда в Америку предпринять попытки его опубликовать, что следует из частично сохранившегося недатированного письма главы издательства «Петрополис» А. С. Кагана, относящегося к концу 1939 г.:

Господину В. В. Набокову, Пари<ж>

Подтверждаю получение Вашег<о> <утрачено одно или два слова> письма.

Я не отказался от мысли из<дать Ваш> роман «Дар». Война меня, правд<а, выбила из> колеи, но я не прерывал своей издательской деятельности и Ваша книга у меня на очереди. Давайте <sic> еще только немного придти в себя. Рукопись Ваша у меня в полной сохранности.

* *Набоков В. Лолита. М.: АСТ: Corpus, 2021. С. 514. (Здесь и далее – цит. по ф. ред.)*

Ваш рассказ в стиле Боккаччо-Аретино меня интересует. Может быть, что-либо и можно предпринять. Пришлите его мне. Мой адрес неизменно тот же. <...>

<Сердечный привет> Вере Евсеевне.

Преданный Вам.

<Подпись:> А. Каган*

Упоминание Боккаччо подразумевает эротические новеллы из его «Декамерона», подпавшие под церковную цензуру; с именем Пьетро Аретино (1492–1556) связана скандальная история публикации его «Сладострастных сонетов» в альбоме гравюр непристойного характера.

Рукопись повести, по всей видимости, действительно была уничтожена, однако ее машинописная копия (с правками и вставками рукой Набокова и с указанием времени и места написания: «Париж. Октябрь-ноябрь 1939 г.») сбереглась и была случайно найдена Набоковым в феврале 1959 г., о чем он сообщил президенту издательства «G. P. Putnam's Sons» Уолтеру Минтону:

Как я пояснил в своем эссе, приложенном к «Лолите», осенью 1939 года я написал в Париже повесть, своего рода прото-«Лолиту». Я был уверен, что давно уничтожил ее, однако сегодня, собирая с Верой дополнительные материалы для передачи в Библиотеку Конгресса США, обнаружилась единственная копия этого сочинения. Моим первым побуждением было отправить его (и пачку карточек с неиспользованными в «Лолите» заметками) в Библиотеку Конгресса, но потом мне пришло на ум другое.

* Library of Congress/Manuscript Division/Vladimir Nabokov papers. Box 1. Folder 38.

Сочинение под названием «Волшебник» написано по-русски, пятьдесят пять машинописных страниц. Теперь, когда моя творческая связь с «Лолитой» разорвана, я перечитал «Волшебника» со значительно большим удовольствием, чем испытывал, вспоминая его как мертвый обрывок во время работы над «Лолитой». Это прекрасный образец русской прозы, точной и ясной, и с соблюдением некоторых предосторожностей Набоковы могли бы перевести его на английский*.

Эта идея Минтона не увлекла, и при жизни Набокова ни русское издание, ни публикация английского перевода «Волшебника» не состоялись. Отрывок из повести, в английском переводе, впервые опубликовал Э. Филд в книге «Набоков. Его жизнь в искусстве» (1967)**. Ни один персонаж в «Волшебнике», кроме прислуги Марии, не назван по имени, нет и определенных указаний на место и время действия повести; однако Филд, не прочитав, по-видимому, всей повести, утверждал, что герой в ней назван Артуром и что повествование берет начало в саду Тюильри.

По позднему воспоминанию эмигрантского критика В. В. Вейдле, Набоков в 1939 г. в Париже дал ему прочитать рукопись рассказа, содержание которого было близко «Волшебнику», однако в некоторых отношениях существенно отличалось от него:

<...> заглавие мне помнится другое: не «Волшебник» <...>, а — весьма отчетливо — «Сатир». Жалею, что, прочитав книгу Филда, я об этом не запросил Набо-

* *Nabokov V. Selected Letters. 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and M. J. Brucoli. San Diego et al.: Harcourt Brace Jovanovich, 1989. P. 282–283. Пер. ред.*

** *Field A. Nabokov. His Life in Art. Boston–Toronto: Little, Brown and Company, 1967. P. 328–329.*

кова, и с горечью говорю: «Теперь уж поздно» <...> Вопрос состоит в том, не читал ли я версию еще более раннюю, чем та, что поступила в распоряжение Филда и была озаглавлена по-новому; а интересно было бы узнать ответ на него прежде всего из-за одной подробности, которая незначительной может показаться лишь при самом крайнем верхоглядстве. Я говорю о возрасте той девочки, которая впоследствии названа была Лолитой.

Лолите в начале романа двенадцать (с несколькими месяцами) лет. <...> Девочку-француженку в «Волшебнике» и Филд, и сам Набоков называют двенадцатилетней <...> Не помню, безымянной ли была девочка в рассказе «Сатир», но твердо помню, что девочке этой было не более десяти лет, что совсем неосведомлена была она по части женско-мужских дел, оставалась невиннейшим ребенком. Герою того рассказа именно такие девочки и нравились. Первая глава показывала нам его в Париже, но не в Тюильрийском саду, как «волшебника», а в несуществующем нынче, но тогда существовавшем сквере между Сеной и церковью Сен-Жерве.

Сидит он там на скамейке и с вождедением подсматривает не на грациозную конькобежицу (на роликах), как «волшебник», а на девочек куда помоложе, с ведерками и совками, играющих на песочке. Описание было это подсматриванье с редким мастерством, так что если интенсивность описания ценить прежде всего, то лишь финал мог соперничать с этой увертюрой. Финал был катастрофичен — и до крайности неприличен; но катастрофой как раз и уравнивалось это неприличие, — с точки зрения морали, как и с точки зрения искусства. Возвращая рукопись Набокову, я именно финал этот всего горячей и хвалил,

заметив в то же время, что ни один русский журнал (я думал в первую очередь о «Современных записках») последней страницы рассказа не напечатает. Он с этим не спорил, но и не сказал мне, что одному из редакторов «Записок» он свой рассказ уже читал. Прочел ли он Илье Исидоровичу <Фонадминскому> и его друзьям — несколько позже — уже «Волшебника», а не «Сатира», и была ли новая версия последней страницы менее непристойно реалистична, чем первая, не знаю. <...> Слова Набокова о неудачной попытке «приласкаться к сиротке» ни о каких изменениях кривой усмешкой своей не оповещают, тем более что заключительная катастрофа в «Волшебнике» оставалась той же, что и в «Сатире». О ней сообщали три последние строчки. О судьбе девочки не сообщалось ничего. <...> В результате женитьбы «среднеевропейца Артура» на слабого здоровья вдове, французенке, и заранее им учтенной ее кончины, он получает в полную свою власть ее дочку, уже успешную по-дочернему привязаться к нему. Он везет ее, как мне помнится, не на юг Франции, а в Швейцарию, останавливается в отдаленной от населенных мест гостинице, и когда утомленная дорогой девочка, прикорнув на двуспальной кровати, начинает засыпать, приступает к выполнению давнего своего замысла: пытается всерьез «приласкаться к сиротке». Та отбрыкивается, ничего не понимает, плачет, кричит... получается не то, что нужно. Он в бешенстве накидывает халат на склизко запачканную пижаму, выбегает из комнаты, выбегает из гостиницы на большую дорогу. Его давит проносящийся мимо автокар или грузовик*.

* *Вейдле В.* Набоков. Первая «Лолита» // Русская мысль. 1977. № 3184. 29 декабря. С. 9. Цит. по: В. В. Набоков: pro et contra. Антология. Т. 2 / Сост. Б. В. Аверин. СПб.: РХГИ, 2001. С. 865–867.

Приведенные сведения позволяют предположить, что Набоков, как ему помнилось в 50-х гг. и о чем он писал в послесловии к «Лолите», уничтожил все рукописные и машинописные экземпляры *первой версии* «Волшебника» (рассказа в тридцать страниц), в которой герой был назван Артуром и которая была озаглавлена созвучным с этим именем словом «сатир». Посылал ли он Кагану в «Петрополис» первый или уже второй вариант рискованного сочинения, получил ли он ответ — неизвестно (примечательно, однако, что Каган называет произведение рассказом, а не повестью). Убедившись в том, что опубликовать «Сатира» невозможно, Набоков переписал его (предположительно расширив) и сохранил машинописную копию нового произведения, которую случайно обнаружил двадцать лет спустя.

Повесть перевел на английский язык и опубликовал в 1986 г. Дмитрий Набоков; оригинальный текст (напечатанный по правилам новой орфографии, с сохранением некоторых особенностей правописания Набокова) был напечатан в 1991 г. в издававшемся «Ардисом» альманахе «Russian Literature Triquarterly» (№ 24) со следующим примечанием Д. Набокова: «Тем двуязычным читателям, которые бы захотели сравнить русский текст с моим английским переводом, следует помнить, что первое американское издание (в твердом переплете, изд-во Putnam, 1986) содержало некоторые ошибки и пропуски, которые были исправлены в дальнейших английских изданиях и в большинстве переводов на другие языки».

В настоящем издании «Волшебник» печатается по этой публикации с уточнениями по архивному машинописному тексту*.

* Редактор благодарит Вадима Алексеевича Маневича, любезно предоставившего для сверки текстов копию первой журнальной публикации повести.

По-своему не менее запутана история создания и публикации последнего русского романа Набокова «Solus Rex». В январе 1939 г. в Париже Набоков закончил свой первый английский роман «The Real Life of Sebastian Knight» («Истинная жизнь Севастьяна Найта»^{*}), а два месяца спустя Н. Берберова упомянула о его новом романе в письме к И. Бунину (от 30 марта 1939 г.): «Видаюсь с Сириным и его сыном (и женой). <...> Живется им трудно и как-то отчаянно. Пишет он “роман призрака” (так он мне сказал). Что-то будет!»^{**}

При известном угле зрения в предисловии Набокова к английскому переводу двух глав из «Solus Rex» можно усмотреть указание на то, что действиями героев в ней руководит «призрак» — покойная жена Синеусова. В разговоре с Берберовой Набоков дал своей новой книге, по-видимому, не сюжетную, а жанровую характеристику, поскольку «роман призрака» — это, конечно, русский эквивалент английского понятия «ghost story», которому вполне отвечает замысел «Solus Rex».

Часть нового романа (глава вторая, согласно позднему указанию Набокова) вышла в последнем (семидесятом) номере парижских «Современных записок» в марте 1940 г. (В. Сиринь. Solus Rex. Романъ. С. 5–36). Второй и последний отрывок (глава первая) был опубликован уже после переезда Набокова в Америку в «Новом журнале» (Нью-Йорк) в январе 1942 г. (В. Набоков-Сири. Ultima Thule. С. 49–77). Посылая рукопись М. А. Алданову, редактору «Нового журнала», Набоков сообщил следующее:

* Именно так, Севастьяном или Севастианом, Набоков несколько раз по-русски называет своего героя и — сокращенно — роман в письмах к жене.

** Переписка И. А. Бунина и Н. Н. Берберовой (1927–1946) // Публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса // Иван Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. С. 53.

Понедельник
2 часа утра

Дорогой Марк Александрович,
посылаю Вам «статью», как говорил некто Арбатов, который все называл «статьей», будь то рассказ, или кусок романа, или даже стихи. Простите, что задержал, — я добыл машинку только в субботу.

Я не пометил на манускрипте, но хорошо бы сделать сноску, как бывало:

Отрывок из романа «Solus Rex», начало которого см. в [последнем, — каком именно?] № Современ.<енных> Зап.<исок>

Буква «ъ» не вытанцовывалась у жены на этой незнакомой машинке, а потому есть риск, что французские слова «Раоп» и «Воп», встречающиеся в манускр.<ипте,> наберут русскими буквами. Не знаю, как отметить их латинство.

Я решился осалтыковать мою подпись. Хочу непременно держать корректуру. Кажется, эта вещьца самая отталкивающая из всего, что я до сих пор печатал, правда?

Ваш В. Набоков*

Замечание Набокова о «вещице» относится, по-видимому, ко всему роману, в первом (по времени публикации) отрывке которого редактор «Современных записок» счел непристойными и изъял два фрагмента. Алданов ответил 5 ноября:

Сегодня получили Вашу рукопись и сегодня же сдали ее в набор. Сердечно Вас благодарю: отрывок превос-

* Цит. по: *Набоков В.* Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959) / Предисл., сост., примеч. А. А. Бабилова. М.: Литературный факт, 2018. С. 29–30.